

УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СВОБОДАМ СО СТОРОНЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

*Дипак Лал
Калифорнийский университет, Лос-Анджелес*

Доклад подготовлен для международной конференции «Либеральная программа для нового века: глобальный взгляд», организованной Институтом Катона (Cato Institute, США), Институтом экономического анализа (Россия) и Российским союзом промышленников и предпринимателей (работодателей).

8-9 апреля 2004 г., Москва

По иронии судьбы в начале нового тысячелетия различные международные организации, учрежденные после второй мировой войны для внедрения нового либерального международного экономического порядка (ЛМЭП или ЛЕО), в настоящее время стали основными поставщиками глобального либерализма. Почему это произошло? Существует ли потребность в этих международных организациях в настоящее время? Как и старые солдаты, международные организации не умирают, так что же с ними делать? Именно на эти три вопроса мы попытаемся ответить в нашем докладе.

I

Либеральный международный экономический порядок

После второй мировой войны отчасти в ответ на свою собственную изоляционистскую политику в первые годы войны, которая способствовала глобальному экономическому хаосу и разрушению первого ЛМЭП, созданного Британией в 19 веке, США сосредоточили усилия на создании другого ЛМЭП. Однако при создании своих ЛМЭП эти две империалистические державы использовали различные инструменты.

ЛМЭП в 19 веке зиждился на пяти основных принципах: свобода торговли, невмешательство, золотой стандарт и свободное движение капитала, свободное движение рабочей силы и международное признание права собственности. В первые годы войны ЛМЭП прекратил свое существование. Введение в США тарифа, получившего название тариф Смут-Холи, ознаменовало окончание эры свободной торговли. Законы «Голубого неба», которые запрещали банкам США предоставлять займы иностранным правительствам, и разрушение золотого

стандарта в результате введения различными правительствами мер, которые были, по сути, вмешательством в платежный режим (например, контроль обменного курса), положили конец свободному движению капитала. Рост числа государств всеобщего благоденствия привел к уничтожению свободного рынка труда, иммиграционный контроль стал вездесущим, поскольку страны всеобщего благоденствия включили право собственности в «гражданские права», предоставив «гражданину» право залазить в карман своим согражданам. Международный правовой порядок, с таким трудом созданный рядом договоров в 19 веке, рассыпался с приходом к власти в России большевиков и Кемале Ататюрка в Турции, которые отвергали международное признание права собственности во имя национального суверенитета. Невмешательство стало жертвой растущего диригизма в конце 19 века в Европе и нового курса Рузвельта в США.

После второй мировой войны США попытались реанимировать в Бреттон Вудс три из пяти фундаментальных принципов, на которых был построен ЛМЭП – свобода торговли, золотой стандарт и свободное движение капитала. В то время как Британская империя укрепляла эти три принципа собственным примером, договорами и прямым или косвенным империализмом, США пошли по иному пути, создав транснациональные институты: за GATT (Генеральное соглашение по тарифам и торговле) последовали ВТО, МВФ и Всемирный Банк. Однако восстановить свободное движение рабочей силы было невозможно, так как в промышленно развитых странах широко внедрялась система социального обеспечения. Не представлялось возможным восстановить и другой принцип -

невмешательство государства в экономическую деятельность, поскольку государство всеобщего благоденствия обусловило большую степень вмешательства государства в экономическую деятельность, что положило конец надеждам на реанимацию принципа невмешательства. Взрыв экономического национализма в третьем мире, которому способствовали антиимпериалистическая риторика и политика Вудро Вильсона, обрекли на неудачу в 1956 году суэцкую авантюру Великобритании и Франции по предотвращению Насером национализации Суэцкого канала, стали наглядным примером того, насколько недейственными являются попытки соблюдения прав собственности, когда им противостоит утверждение национального суверенитета молодых национальных государств. В мире в то время не было силы, способной спасти от разрушения международный правовой порядок.

II

GATT, ВТО и свободная торговля

Вместо того чтобы следовать британской политике принятия многосторонних правил свободной торговли, а затем распространить эти нормы, США стали на чрезвычайно тревожный путь многосторонних, а в последнее время двусторонних переговоров по снижению торговых барьеров. Позиция США была обусловлена тем, что в отличие от Великобритании, которая с полным основанием рассматривает свободную торговлю как игру с равными шансами для всех и со времен отказа от законов, ограничивающих свободную торговлю зерном (Corn Laws), оставалась привержена этому принципу и непосредственно связанному с ним принципу невмешательства¹ в течение всего 19 века, несмотря

на различные попытки политиков, в частности Чемберлена, внести сумятицу в результате введения протекционистских мер во имя «справедливой торговли», американцы никогда не принимали классический либеральный принцип свободной торговли. Они всегда рассматривали торговлю как игру со спрятанной в рукаве картой. Они всегда были протекционистами. Только в 1846-61 г.г. США проводили относительно либеральную торговую политику, в то время для 51 категории товаров, импортируемых в наиболее крупных размерах, действовал стоимостной тариф, составлявший в среднем 27%.

С тех пор принцип взаимности был всегда основополагающим в торговой политике США, и гегемон 20 века стремился достигнуть свободы торговли посредством взаимных уступок в рамках ГАТТ и ВТО. Как показали выступления антиглобалистов, начиная с Сиэтла и далее, насаждение мифа о том, что торговля – это игра с равными шансами для всех, что ликвидация тарифов может быть осуществлена только на основе взаимности, США добились лишь того, что проблемы внутренней политики стали неизбежно влиять на политику в области внешней торговли.

В то время как псевдозащитник свободных рынков отказывается одобрить принцип всеобщего принятия свободной торговли, бывший коммунистический Китай полностью принял этот непогрешимый с точки зрения развития экономики постулат. Стоит отметить, что одним из важнейших шагов по распространению этого принципа стало внедрение Китаем политики открытых дверей, сформулированной Ден Сяопином.²

Начиная с введения в начале 1980-ых годов ГАТТ, удалось добиться

значительной либерализации международной торговли. В течение этого времени именно развивающиеся страны не хотели открывать свои рынки и получали различные привилегии и льготы в рамках создающегося ЛМЭП. После бунта ОПЕК в начале 1970-ых годов, они попытались использовать свою воображаемую потребительскую мощь для создания агрессивного НМЭП. Будучи не в состоянии утвердить пресловутую товарную мощь и в результате долгового кризиса 1980 года, НМЭП приказал долго жить. Вследствие этого большинство стран третьего мира с помощью и при поддержке Всемирного банка и МВФ пошли по пути экономической либерализации. Большинство развивающихся стран связывали свои надежды на процветание с пополнением рядов «молодых тигров», опыт которых показал, что интеграция в мировую экономику может привести к быстрому экономическому росту. В новой эре реформ многие страны, в особенности Чили и Китай, провели всеобъемлющую либерализацию своих правил международной торговли

Однако в начале 1980-ых годов США, которые до сих пор стремились внедрить принцип свободной торговли путем многосторонних соглашений, сделали выбор в пользу принятия двустороннего подхода, совмещая многосторонние соглашения, которые реализовались через ГАТТ, со стремлением заключать преференциальные двусторонние торговые соглашения (ПТС -PTAs), способствуя тем самым либерализации торговли со странами-единомышленниками, в тех случаях когда прогресс в области заключения многосторонних соглашений блокировался другими странами. Непредвиденными последствиями этого в 1990-ых годах стал бурный рост ПТС и растущая

раздробленность многосторонней системы торговли. Развитию системы преференциальных двухсторонних отношений способствовало и то, что Евросоюз сопротивлялся принятию принципов свободной торговли, особенно в сельском хозяйстве.

Что само по себе не удивительно. Несмотря на классическую либеральную надежду, состоящую в том, что путем укрупнения внутреннего европейского рынка и успешного снижения внешнеторговых тарифов и квот Евросоюз станет частью фундамента мировой свободной торговли, Евросоюз стал фундаментом не мировой свободной торговли, а замкнутой протекционистской системы, особенно в сфере торговли сельхозпродуктами. Это произошло в основном потому, что, несмотря на внешнее обрамление и заявления о том, что проект является экономическим, он всегда был политическим, а его целью являлось создание Соединенных Штатов Европы. За проектом стояли Франция и Германия, первая заявляла, не без основания, что они скачут на немецкой лошади. Что их целью является воссоздание Священной Римской Империи. Французы и немцы предпринимали силовые попытки такого рода в прошлом, но поражение Наполеона при Ватерлоо в 1815 году и поражение Германии в двух мировых войнах 20 века привело к пониманию того, что военное решение не представлялось возможным для создания подобной империи на европейском пространстве. Скорее проект можно квалифицировать как некоммерческий, напоминающий по своей сути проекты эпохи позднего Возрождения, целью которых, как говорил Эли Хекшер, было создание национальных государств путем объединения враждующих феодальных образований.

Поворотным пунктом в борьбе двух идей, которые сошлись в поединке на заре ЕС, стал Маастрихтский договор.³ Первая идея – либеральная, заключалась в необходимости сдерживания вмешательства государства в экономику, а вторая в том, что если государство не в состоянии защитить свой суверенитет, необходимо создать наднациональный орган, под эгидой которого может быть восстановлена власть государства над экономикой. Маастрихтский договор и предлагаемая ныне Европейская конституция носят откровенно нелиберальный характер. Вместо того чтобы расширить индивидуальные экономические свободы, они направлены на централизацию политической власти и на гармонизацию налогов, трудового законодательства, социального обеспечения и т.д. Более того, как свидетельствует поведение французов и немцев перед войной в Ираке, антиамериканизм стал основной составляющей «Европы», которую они стремятся построить. Сторонникам классического либерализма остается надеяться, что попытка столь жесткой централизации в рамках антилиберального проекта, не будет осуществлена. Самые большие надежды возлагаются на то, что коалиция стран «новой» Европы объединится с целью предотвращения ратификации предлагаемой Европейской конституции.

Однако для распространения экономической свободы по всему миру такое же значение имеет факт осознания США того, ПТС, которые они продвигают, не способствуют свободной торговле, а раздробляют мировую торговлю. Эти соглашения гораздо чаще мешают торговле и представляют собой отход от классических либеральных принципов. Ложкой дегтя в бочке меда стала непоколебимая приверженность США принципу взаимности и требованиям

«справедливой торговли». Попытки США и ЕС установить трудовые и экологические нормы во имя «справедливой торговли» также являются отходом от классического либерального принципа, состоящего в том, что ни страна-производитель товара, ни система социальной защиты, существующая в ней, не имеют значения. Утверждение противоположного во имя бессмысленного слогана, коим является «справедливая торговля», есть ни что иное, как скрытый протекционизм. Для США пришло время безоговорочно принять, как сделали это англичане в 19 веке, подлинно экономический принцип, согласно которому всеобъемлющая свобода торговли выгодна в конечном счете им самим. Тогда отпадет необходимость в многостороннем правовом формате ВТО для заключения двусторонних договоров на ошибочном принципе взаимности, и ВТО можно будет закрыть. Таким же образом необходимо аннулировать сеть искажающих торговлю двусторонних и региональных соглашений о свободе торговли, которую продвигают США, вместо этой сети США должны открыть свои границы для свободного движения товаров, услуг и капитала, как сделала это Великобритания в середине века и как делают это сегодня китайцы. Сохраниться должны лишь барьеры, созданные против анти-либеральной и протекционистской новой Европы в качестве оружия, направленного на принуждение ЕС к изменению его антилиберальной направленности.

III

МВФ, Курсы обмена валют и финансовый кризис

МВФ был создан для восстановления некоего варианта золотого стандарта – курса стоимости валют по отношению к золоту. Эта псевдофиксированная система

валютных курсов, надзор за которой осуществлял МВФ, не срабатывает, так как в ее основе лежит контроль над краткосрочными финансовыми потоками. Данные потоки оказались уязвимы для атак валютных спекулянтов, которые могут разрушить псевдофиксированный режим валютного обмена, о чем свидетельствует успешная атака Джорджа Сороса на фунт, когда была сделана неудачная попытка включить фунт в европейскую систему валютного обмена. Однако с освобождением рынков капиталов невозможно провести разграничительную линию между краткосрочным «спекулятивным» движением капитала и «долгосрочным» продуктивным.

Когда президент Никсон закрыл золотое окно и произошло общее движение в сторону плавающих курсов валютного обмена, необходимость в надзирателе за выполнением соглашения, о чем шла речь в Бреттон Вудс, то есть в МВФ, также исчезла. Мы не будем останавливаться на различных и продолжающихся изменениях, которых МВФ впоследствии добивался, однако совершенно очевидно, что МВФ пережил причины, его породившие. Нынешняя международная монетарная система, которую называют «несистемой»⁴, также обладает определенными преимуществами в рамках международных отношений, в силу того, что в отличие от фиксированной системы валютного обмена, она является децентрализованной и не требует никакой международной кооперации⁵, которая по своей природе является благодатной почвой для разногласий.

Более того, уже с долгового кризиса 1980-ых годов, иностранные банки, столкнувшись с невыполнением долговых обязательств своими задолжниками из стран третьего мира, утверждали, что такого рода задолженности представляют

собой систематический риск для мировой финансовой системы, и фактически обратились к международному финансовому сообществу с требованием предотвратить катастрофу. МВФ очень охотно пошел им навстречу. Потому что после того как почило в бозе соглашение, принятое в начале 1970-ых в Бреттон Вудс, согласно которому существовал твердый валютный курс, МВФ повел себя как герой пьесы Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора». Долговой кризис 1980-ых годов напоминал первое действие, переход второго мира от планов к рынку – второе, а мексиканский и азиатский кризисы – третье. МВФ все в большей степени становился сборщиком международных долгов для иностранных центральных банков. Его следовало бы закрыть. Вместо этого начались разговоры о реструктурировании мировой финансовой инфраструктуры, при чем МВФ должен был стать ее центром по разрешению финансовых кризисов. Большинство вышеупомянутых схем недвусмысленно базируются на атавистических подозрениях в спекуляции на рынках капитала. Большая часть нынешних предложений по совершенствованию так называемой международной финансовой архитектуры плохо задумана. Очевидно лишь, что для МВФ, который скорее обостряет, чем предотвращает долговые кризисы, нет места в либеральном финансовом экономическом порядке, его существование возможно лишь в качестве структуры, определяющей кредитный рейтинг страны, такой как Мудис, что позволит использовать его интеллектуальный капитал и доступ к национальным статистическим данным. Кроме того, отпадает также необходимость во Всемирном банке в качестве посредника. В случае если за ним и останется какая-либо роль, то это будет роль «агентства по оказанию помощи». Но

международная финансовая помощь никогда не была успешной.⁶ Ее также следует прекратить. Это позволит демонтировать ставшей уже архаичной структуру, созданную в результате соглашения Бреттон Вудс для удовлетворения требований умирающей международной финансовой системы, которую оставила в наследство великая депрессия.

Нужно ли заменять эти учреждения? Отвечаем коротко – «нет». Упразднение МВФ позволит уменьшить степень обострения кризиса морали национальных финансовых структур, с которым уже сталкиваются национальные банковские системы по всему миру из-за страхования депозитов. Несмотря на то, что было бы логично положить конец страхованию депозитов, чтобы предотвратить разращение национальных банковских инфраструктур, которому подвержена любая банковская система, имеющая в своих активах несогласованные срочные бумаги, по политическим мотивам в наш демократический век сделать это невозможно. Отсюда призывы к более высокой степени отслеживания банковских портфелей со стороны национальных и международных органов. Однако, как справедливо заметил глава Английского банка Мервин Кинг⁷, в этом контексте данные призывы равносильны призывам к национализации банков.

Трудно представить, что МВФ можно трансформировать в международного заимодавца, играющего роль последней инстанции. Две функции, которые должен выполнять заимодавец последней инстанции, получили определение в известных правилах Багехота.⁸ Первое, он должен быть в состоянии быстро одолжить очень крупную сумму денег для предоставления ссуд платежеспособным банкам с целью

предотвращения кризиса ликвидности. Второе, он должен уметь различать хорошие и плохие «бумаги» и, следовательно, принять правильное решение относительно здоровья банков, которым он обеспечивает повышенный уровень ликвидности, тогда как несостоятельные банки должны быть закрыты. МВФ не сможет осуществлять ни одну из этих функций. Он может предоставлять ссуды только после длительных переговоров с правительством соответствующей страны и после получения одобрения своего Совета директоров. Помимо того, он не в состоянии определить, какие из предоставленных уже ссуд являются «хорошими», а какие «плохими» (например, займы, предоставленные иностранными банками резидентам другой страны), а также осуществить ликвидацию «плохих». Функция заимодавца последней инстанции для монетарных центральных банков, занимающихся операциями по предоставлению иностранных кредитов, должна быть сохранена путем предоставления займов их материнскими центральными банками. Предложение о превращении МВФ в международное агентство по вопросам банкротства, чтобы не дать возможность меньшинству держателей акций мешать реструктурированию государственных долгов, является самой последней попыткой найти для МВФ хоть какую-то роль в международной финансовой системе. Это предложение получило поддержку в связи с недавним успехом так называемого «хищнического фонда» - Ассоциации Эллиота- в его иске к Перу относительно полной выплаты долга и процентов по нему в сумме 20 миллионов долларов по гарантированным правительством Перу коммерческим ссудам, которые этот фонд приобрел. Ассоциация Эллиота отказалась принять бонды Брэди, которые другие кредиторы были согласны

принять в процессе реструктурирования. В результате ассоциация держателей долговых обязательств Элиот получила судебное решение о выплате им 56 миллионов долларов и судебное распоряжение о наложении ареста на перуанские активы, используемые для коммерческой деятельности в США. Решение касалось выплаты процентов, которые Перу должно было заплатить держателям бондов Брэди, согласившихся на вышеупомянутую реструктуризацию. Чтобы избежать дефолта по бондам Брэди, Перу согласилось заплатить.

Но предложение, касающееся превращения МВФ в международный суд по вопросам банкротства для решения проблем, в частности фонда Элиота, по сути ошибочно. Дело в том, что в отличие от национальных судов по вопросам банкротства, в которых должник обязан предоставить информацию обо всех своих активах, благодаря чему кредиторы могли получить справедливую долю своих исков, подобное положение не включено в предложения о трансформации МВФ, и для этого есть веские основания. В отличие от внутренних частных должников, на которых распространяется глава 11, регулирующая процесс банкротства, государства-должники *не жаждут* платить своим кредиторам задолго до того, как они *не в состоянии* сделать это. Причина в том, что в случае дефолта единственные активы, на которые могут претендовать иностранные кредиторы, находятся за рубежом страны-должника. Не существует инструментов, в силу которых национальные активы, находящиеся на территории страны-должника, могут быть использованы для оплаты долга. Поэтому они не хотят платить еще задолго до того, как они становятся неплатежеспособными. Тот факт, что Перу урегулировало задолженность с Фондом Элиота, показывает, что

Перу было *способно* заплатить долги. Подобным образом складывалась ситуация во время крупного долгового кризиса в 1990-ых годах в Мексике и Индонезии. Обе страны располагали крупными государственными нефтяными компаниями, активы которых были вполне достаточными, чтобы осуществлять оплату долга, если бы правительство пожелало их использовать. Таким образом, вышеупомянутое предложение о трансформировании МВФ уменьшит уже ограниченные существующие стимулы для государств-заемщиков относительно ведения разумной политики заимствований и вынудит потенциальных кредиторов еще больше ограничить предоставление займов вновь появляющимся рынкам заимствований.

Более простым способом решения проблемы, создаваемой миноритарными кредиторами в процессе реструктурирования государственных долгов, представляется внедрение методов, используемых на лондонских финансовых рынках, что предполагает внесение статей о коллективных акциях в область регулирования международных долговых обязательств. Согласно этим статьям, 75% большинство имеет право на соответствующем собрании при наличии кворума принимать решение о реструктуризации долговых обязательств. Такая процедура не позволит меньшинству держателей долговых обязательств не допустить реструктурирование государственного долга. Это решение и децентрализованное, и рыночное, и его сейчас также поддерживает МВФ. Ему отдают предпочтение также Казначейство США⁹ и международные банки. При широком внедрении отпадет необходимость в МВФ как в некоем международном кризисном менеджере.

Означает ли это, что нет путей, позволяющих избежать неустойчивости международных потоков капитала и периодически появляющихся на финансовых рынках «мыльных пузырей»? Проще всего ответить на этот вопрос, если представить международные рынки капиталов как простое расширение национальных фондовых бирж. Никого не убедит тезис о том, что национальные фондовые рынки, несмотря на их бесспорную нестабильность и склонность к «мыльным пузырям», должны быть закрыты или что им нужно вставлять палки в колеса, так как предлагаемые меры хуже самой болезни. Тот же набор аргументов применяется конкурирующим международным рынком капитала.¹⁰ Несмотря на неустойчивость международных рынков и их подверженность «мыльным пузырям», которые всегда лопаются, любое государственное вмешательство только ухудшит положение.¹¹ Поэтому я могу лишь повторить мудрый совет лорда Пальмерстона, который он дал, столкнувшись в 1848 году с призывами к вмешательству государства во время памятного кризиса неплатежей иностранными задолжниками. В циркуляре, отвергающем любое государственное вмешательство, он написал следующее: «Британское правительство считает, что убытки непредусмотрительных людей, которые ошибочно поверили в добрую волю иностранных правительств, станут наглядным примером для всех остальных.»¹²

IV

Всемирный банк, потоки капиталов и иностранная помощь

Всемирный банк был инструментом, выбранным для направления капиталов, выделенных на развитие третьего мира. Западные рынки капиталов

были закрыты для развивающихся стран со времени их дефолта и принятия в США законов военного времени, так называемого «Голубого неба», которые запрещали финансовым посредникам США быть держателями долговых обязательств иностранных правительств.¹³ Всемирный банк или Международный банк реконструкции и развития (IBRD) как называлось его начальное и по сей день основное подразделение, был учрежден как финансовый посредник для заполнения этой ниши. В силу того, что его учредили правительства различных стран и они же гарантировали его операции, он может заимствовать по льготным ставкам на рынках развитых стран и предоставлять займы под проценты, близкие к коммерческим, странам третьего мира. Для стран, которые считались слишком бедными для того, чтобы брать в долг под такие проценты, была создана возможность получения ссуд на более льготных условиях посредством специального органа - Агентства по Международному Развитию, ссудные фонды которого формировались по подписке за счет средств западных стран.

Роль финансового посредника и консультанта, которую банк играл до конца 1980-ых, была в основном полезной и способствовала становлению рыночной экономики в странах третьего мира. Но со времен бунта ОПЕК в начале 1970-ых годов и направления избытка нефтедолларов ОПЕК в развивающиеся страны посредством офшорных монетарных центральных банков, доля частного капитала в общем объеме потоков капитала в бедные страны постоянно росла. Эта тенденция стала носить обратный характер в середине 1980-ых в результате кризиса неплатежей, но была восстановлена и усилилась в 1990-ые годы. Отпала необходимость в посреднической роли Всемирного банка, а некоторые крупные

получатели иностранной помощи, такие как Индия, недавно объявили о своем нежелании получать официальную иностранную помощь в будущем.

Однако когда президентом банка стал МакНамара, роль банка как финансового посредника стала второстепенной, а на первое место выдвинулась функция оказания международной помощи. Это было сделано, в частности, для того, чтобы банк сыграл свою роль в холодной войне: для того, чтобы привязать «нейтральные» страны к свободному миру и чтобы способствовать экономическому развитию. Западные правительства, кроме того, разработали свои собственные двусторонние программы оказания помощи иностранным государствам в большей степени для того, чтобы бороться за политическое влияние в третьем мире во время холодной войны, чем для того, чтобы добиваться своей декларируемой цели – снижения уровня бедности в мире. Поскольку почти все эти капиталы направлялись через многосторонние или двусторонние правительственные каналы, доступ развивающихся стран к мировым рынкам капитала был по необходимости политизирован. Такая ситуация резко отличалась от модели, действовавшей в 19 веке, в рамках которой частный капитал шел из Европы в остальной мир на рыночных принципах.

Цель всемирного банка состояла в создании иной международной программы развития, аналогичной той, которую Великобритания продвигала в 19 веке путем распространения и внедрения норм, касающихся международных прав собственности, а также посредством колониальных войн или экономической интервенции. После того как подобные методы ушли в прошлое, единственным оставшимся инструментом стало использование «обусловленности», связанной с

денежной помощью, чтобы способствовать проведению соответствующей политики развития постоянно меняющимися режимами государств третьего мира. Но, как и санкции, служащие целям внешней политики стран-доноров, эти, даже более жесткие условия, оказались безрезультатными.¹⁴ Поэтому «мантра» нынешнего экономического развития формулируется следующим образом: «хорошее управление обеспечивает успех». Но как можно это осуществить без методов империалистического воздействия?

Таким образом, система оказания международной помощи испытывает серьезные трудности. Остается ли какая-либо роль для Всемирного банка в создавшейся ситуации? Утверждается, что по-прежнему существует ниша для финансовых потоков по преимуществу в африканские страны суб-Сахары, для которых, как и прежде, закрыты частные рынки капиталов. Но причина закрытия доступа в хищнической природе их правительств. Хуже того, в будущем, когда все надежные заимодавцы начнут отказываться от их услуг в силу того, что имеют доступ к частным, аполитичным, не выдвигающим никаких «ужасных» условий рынкам капитала, единственными клиентами международных агентств станут ненадежные заимодавцы, так называемые «лимоны». Это серьезно отразится на их кредитном рейтинге на западных рынках капитала и, следовательно, на способности международных агентств занимать деньги и предоставлять ссуды своим клиентам по льготным субсидированным ставкам.

Говорится также о нематериальных выгодах, которые приносит деятельность Всемирного банка и МВФ. Эти утверждения более обоснованны. Мой коллега Аль Харбергер¹⁵ всегда считал, что наиболее важный и

продуктивный аспект деятельности этих учреждений заключается в их роли в качестве «учебного центра» для собственных сотрудников из разных стран (многие из которых становятся впоследствии политическими деятелями в развивающихся странах), где они овладевают здоровыми экономическими методами и методами разработки экономической политики развития, которые впоследствии внедряют во всем развивающемся мире. В рамках этой задачи два вышеупомянутых учреждения не только собирают огромные базы данных по развивающимся странам, но и проводят масштабные исследования, которые расширяют наше представление о проблематике, связанной с развитием. С этой точки зрения Всемирный банк в будущем должен стать «банком знаний».

Если подобные аргументы имели смысл в прошлом (я сам оправдывал операции банка в этом смысле¹⁶), в нынешних условиях они теряют вес. В отличие от ситуации 1950-ых и 1960-ых годов, когда многие страны не располагали необходимыми национальными кадрами для осуществления здоровой экономической политики, за последние 2 десятилетия произошли огромные изменения, касающиеся наличия подготовленных кадров, пожалуй, за исключением Африки. Следует принять во внимание тот факт, что обучение и образование зависят в решающей степени от качества преподаваемых дисциплин. До прихода Джеймса Волфенсона на должность Президента Всемирного банка, несмотря на имевшие место ляпы, интеллектуальная платформа Всемирного банка была в русле общепринятых экономических концепций. Но все изменилось.

По словам Анны Крюгер, бывшего вице-президента банка., курирующего исследовательские работы, Всемирный банк в середине 1990-ых годов должен был

выбрать из трех возможных вариантов с открытием мировых рынков капитала для развивающихся стран, за исключением Африки. Вот эти варианты: “(1) продолжать оставаться институтом развития, сосредоточившись только на работе с теми странами, которые по-настоящему бедны, и постепенно отказаться от сотрудничества со странами со средним уровнем доходов; (2) продолжать работу со всеми странами-клиентами, сосредоточившись на «мягких проблемах» в рамках политики развития, таких как права женщин, защита окружающей среды, трудовое законодательство и оказание помощи неправительственным организациям (НПО); (3) закрыться”¹⁷. По причинам, приведенным выше, первая альтернатива становится все более сложной и связана со значительным сокращением персонала банка. Ни один бюрократ не хочет этого и уж конечно не желает, чтобы был принят третий вариант, в силу очевидных причин – потери власти, престижа и не в последнюю очередь - денег.¹⁸ Поэтому Волферсон, что совершенно понятно, выбрал второй вариант.¹⁹

Но второй вариант, выбранный Волферсоном, не жизнеспособен. Защищать «гражданское общество» - значит, выступать в поддержку очень острых вопросов, по которым имеется ограниченное согласие, как в отношении средств, так и целей, отчасти потому, что некоторые из этих вопросов выявляют важные противоречия в том, что мы называем «космологическими убеждениями»²⁰, и отчасти потому, что нормы трудового законодательства, которые банк во времена Волферсона сделал непреложным требованием для предоставления агентством (МИГА) банка многосторонних инвестиционных гарантий, не только оправданно отвергаются развивающимися странами, так как противоречат главной цели - снижению

уровня бедности, инструментом достижения которой служит экономическое развитие, - принцип, которого придерживался Всемирный банк.²¹ Крюгер остается только третье – закрыть его.

Выводы будут короткими. Программы международной помощи последних пятидесяти лет представляют собой историческую аномалию. Совершенно очевидно, что они являются неотъемлемой частью катастрофического разрушения либерального экономического порядка 19 века, уничтоженного двумя мировыми войнами. По мере восстановления нового либерального экономического порядка, приводным механизмом которого стало разрушение социалистического лагеря и его интеграция в мировой экономический порядок, различные паллиативы, разработанные для преодоления ужасных несчастий, порожденных крахом либеральной экономики прошлого века, становятся все более избыточным. Пришло время отправить на пенсию «богов бедности». Идея иностранной помощи изжила себя!

V

ООН, НПО и мировой сальвационизм

Растущее влияние неправительственных организаций через систему ООН также представляет серьезную угрозу для экономической свободы, особенно в третьем мире. Потому что они являются штурмовыми отрядами антиглобалистов.

НПО – это группы давления. Они были частью политической системы Великобритании и США на протяжении 200 лет. В то время как Олсон и другие критики национальных групп давления критиковали их за лоббирование узких интересов, _____ ныне действующие активные, лоббирующие интересы в

международном масштабе группы давления, которые можно объединить под общим названием НПО, в основном занимаются специфической тематикой, получающей широкий общественный резонанс в силу претензий на справедливость. Но подобно национальным группам давления США, которые подверглись резкой критике со стороны Шаттснайдера²², они также отражают идеалы мировых «богачей», даже когда вещают от имени «бедняков» во всем мире.

Из нескольких тысяч НПО, обладающих официальным статусом в системе ООН, только несколько сотен представляют развивающиеся страны, а из НПО развитых стран подавляющее большинство из США.²³ Большинство из них составляют экологические группы. Они имеют базы по всему миру. Так Гринпис, штаб-квартира которого находится в Амстердаме, имеет национальные организации и членов этих организаций в 28 странах. Кроме того, они очень богатые и тратят крупные суммы на лоббирование и судебные разбирательства.²⁴ Эти средства превышают суммы, которые многие бедные страны вынуждены использовать для борьбы с лоббированием и судебными разбирательствами, в которые их втягивают экологические НПО.

Более того, вследствие своих размеров эти НПО становятся бюрократическими организациями, чьи интересы заключаются в том, чтобы сеять страх, вызывая тем самым рост своих доходов и, как следствие, зарплат, привилегий и штатов.

Они добились влияния путем колонизации ООН и ее специализированных агентств, в том числе Всемирного банка, когда должность Президента банка

занимал Джеймс Волфенсон. Их вхождение в международную систему было обеспечено статьей 17 Хартии ООН, которая предусматривает для своего Совета по экономическим и социальным вопросам (ECOSOC) проведение консультаций с НПО при сохранении дистанции и при непременном условии, что «их статус остается неправительственным».²⁵ После падения берлинской стены ООН изменила основное направление своей деятельности по поддержанию мира и сфокусировала свои усилия на экономических и социальных проблемах, расширив роль ECOSOC. Совет по экономическим и социальным вопросам стал играть ведущую роль, заручившись мандатами 9 конференций, проведенных под эгидой Генеральной Ассамблеи ООН. Эти конференции были призваны обеспечить «мировой консенсус по установлению приоритетов для новой повестки планов развития на 90-ые годы и далее»²⁶. Конференции посвящались следующим вопросам: образование, детство, экология и развитие, права человека, народонаселение и экономическое развитие, социальное развитие, положение женщин, миграция рабочей силы и обеспечение продовольствием. Отношение ко многим болезненным проблемам в ряде бедных странах не совпадало с мнением богатых стран, что особенно ярко проявилось на конференции женских организаций в Пекине в 1995 и на конференции, состоявшейся в 1994 году в Каире, которая была посвящена проблемам народонаселения и экономического развития. Во время этих форумов исламские и католические страны выразили свое несогласие с поддерживаемым Западом правом женщины на аборт.

На каждой из этих конференций НПО проводили параллельный форум, на котором они тесно общались с организаторами конференций. «Включившись в

процесс конференций 1990-ых годов и став его интегральной частью, НПО превратились из сторонних консультантов в полноправных участников процесса разработки и внедрения политики и программ ООН». ²⁷ Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан благословил включение НПО в структуры ООН. ²⁸ Разработчики Программы развития, созданной ООН (UNDP), но пока еще не Секретариат ООН, подписались под требованиями НПО относительно изменения устава ООН таким образом, чтобы НПО получили равный статус с правительствами!

Как и в своих собственных странах НПО и их апологеты заявляют, что они представляют граждан земли и, следовательно, международное гражданское общество. Но подобные претензии - заведомая ложь. Не существует никаких граждан земли, как и мирового государства. Есть только граждане национальных государств, перед которыми, по крайней мере, в демократических странах, ответственны их правительства. ²⁹ Главной характеристикой государства является его монополия на принуждение. В демократических государствах эти полномочия предоставляются правительством, ответственным перед избирателями. Как справедливо заметил Мартин Вольф из «Financial Times»: «нельзя предоставлять отдельным группам право непосредственного участия в решении государственных вопросов, поскольку это будет нарушением фундаментальных принципов конституционной демократии...Только избранное правительство может нести должную ответственность за законотворчество на национальном и международном уровне.» ³⁰

Чего же добиваются НПО? Прежде всего, реализации левой программы:

внедрения системы регулирования, предложенной в Новом курсе Рузвельтом (США), на международной арене.³¹ НПО взяли на себя роль мировой Армии спасения.³² Питерс утверждает, что новые левые похитили экономические и социальные программы ООН. «Их новая модель отрицает традиционные ценности, национальный суверенитет, рыночную экономику и представительную демократию. Она требует радикальных изменений в индивидуальном и социальном поведении и трактует культуру как последнее препятствие на пути глобальных изменений. Их нормы отрицают неэтичные принципы современной промышленной цивилизации, индивидуализм, прибыль и конкуренцию».³³

ООН и многие его специализированные агентства породили экологические НПО, выступающие против глобализации, а также множество других, исповедующих политкорректные западные ценности, создав тем самым институциональные основы для реализации своих планов. Даже более технократические учреждения, в частности Всемирный банк и МВФ, в чем мы могли убедиться, служат их целям. В то время как другие учреждения ООН, такие как ВОЗ, вышли за рамки своих чисто технических функций, взяв на себя различные политкорректные, но сомнительные обязательства, занявшись борьбой с курением и ожирением.³⁴ Другие институты, в частности ILO, UNIDO, UNCTAD, FAO, UNESCO, также внесли свою лепту, независимо от их первоначальных намерений, став рассадником различных антиглобалистских планов и приютом для высокооплачиваемой международной бюрократии. Они не служат интересам бедных, от имени которых якобы вещают... Их бы надо закрыть повсюду, в противном случае США должны отказать им в финансовой

поддержке, пусть крутятся сами.

VI

Превращение в МФПР

Целая сеть международных организаций, созданная в конце второй мировой войны для формирования ЛМЭП, выполнила свою задачу, а во многих случаях стала контрпродуктивной. Эти организации во все возрастающей степени стали поставщиками «нового антилиберализма». Принимая во внимание существование хищнических элит, которые рассматривали эти институты как легитимную и «моральную» кормушку, представляется маловероятным, что они будут закрыты. И тем не менее, существует единственный способ их использования для развития экономической свободы. Он предполагает, что эти учреждения должны решать проблемы терпящих или потерпевших фиаско стран. Тех стран, которые имеют богатые ресурсы, за счет которых они осуществляют политизацию экономической жизни, и в которых постоянно идет борьба за контроль над этими ресурсами, часто приводящая к политическим катастрофам.³⁵

Я недавно предложил³⁶ институциональное решение для того, чтобы противодействовать сильному соблазну у тех, кто контролирует государство, соблазну присваивать природную ренту для своих собственных целей. Многочисленные гражданские войны в Африке, включая те, что идут сейчас в Либерии и Конго, подпитываются желанием контролировать эти ренты. В то время как рента от своей нефти позволяет ближневосточным автократам, таким как правитель Ливии Муаммар Кадаффи, иракский диктатор Саддам Хуссейн, иранское духовенство и Саудовские монархи преследовать разные цели, в

частности, финансирование международного терроризма, создание оружия массового уничтожения, экспорт вахабизма. Что нужно сделать?

Ответ находим в деполитизации природной ренты в потерпевших или терпящих фиаско странах и в деполитизации политических битв, связанных с ее захватом. При отсутствии уверенности в том, что их правление будет продолжаться, временные горизонты правящих хищников очень узкие, что можно понять: их могут убить или сбросить в очередной битве за контроль над рентой. В связи с чем возникает желание как можно быстрее убежать из страны. Имея дело с таким государством-неудачником, можно воспользоваться опытом Аляски, где распределение доходов от нефти между гражданами происходит путем выдачи чеков через налоговую систему. Однако подобное мероприятие нельзя осуществить в странах со слабым государством

Применение в международном масштабе программы ООН нефть в обмен на продовольствие, которую ООН проводит в Ираке, может служить прототипом решения. Однако, принимая во внимание обоснованное отсутствие доверия США к ООН, вызванное ее недавними выкрутасами в связи с войной в Ираке, нужно найти иной инструмент для решения задач долгосрочного развития. Это учреждение не должно быть чисто американским, иначе можно разжечь националистические страсти.

Мы располагаем двумя международными учреждениями – Всемирным банком и МВФ, которые могут подойти для решения этой проблемы. Их следует слить и поставить перед ними новые задачи. Они могут использовать опыт международной технократической бюрократии и, в отличие от ООН, этот новый

орган не станет субъектом популистского международного давления (хотя в отношении нынешнего Всемирного банка могут быть сомнения). Принимая во внимание, что в этих учреждениях действует система голосования, пропорциональная внесенному капиталу, вероятно, наше предложение будет приемлемо для США. Слияние кадров этих учреждений для формирования Международного фонда природных ресурсов (МФПР) было бы желательно.

Целью МФПР должно стать получение государствами, потерпевшими фиаско, ренты от природных ресурсов. Эти доходы должны быть переданы на ответственное хранение в фонд для использования *их только в стране, в которой они были получены*. Средства со счетов условного депонирования этой страны можно будет снимать только с санкции МФПР на цели, определенные менеджерами фонда после проведения консультаций с национальным правительством, в основном на социальные и экономические инфраструктурные проекты. Для реализации этих проектов следует проводить международные конкурсы, осуществлять мониторинг и контроль со стороны Всемирного банка. Такой подход деполитизирует распределение природной ренты и позволит избавиться от одной из главных причин фиаско государств.

Что надо сделать, чтобы не допустить захвата хищниками шахт и скважин, которые являются источником ренты? Решение этой задачи требует вмешательства силы, подобной той, которая применялась ушедшими в прошлое империями, или коалиции сил. Схема силового вмешательства может быть такой, какая использовалась во время внутренних войн в Китае. Иностранным компаниям можно было бы сдавать в аренду территории, которые они бы защищали силами

своей полиции в обмен за выплату природной ренты МФПР. Но даже такое приватизационное решение требует использование имперской мощи, держащей наготове «канонерки и гурки» на тот случай, если местный хищник решит наложить лапу на источники ренты.

Со временем, по мере того как продуктивно потраченная природная рента приведет к общему благоденствию и развитию эффективных политических институтов в соответствующей стране, МФПР может возратить средства на условно депонированных счетах национальному правительству. Но до этого, видимо, еще далеко, и остается открытым вопрос, обладают ли США и их союзники достаточной волей, чтобы реализовать становление национального государства по данной схеме. В противном случае природные ресурсы, которые должны способствовать процветанию населения потерпевших фиаско государств, по-прежнему будут расхищаться хищническими элитами и использоваться для угнетения населения. Более того, природные ресурсы могут использоваться для финансирования международного терроризма, который по-прежнему представляет собой серьезную угрозу для мирового правопорядка .

References

K. Anderson (2000): “After Seattle: Public International Organizations , Non-governmental organizations, and Democratic Sovereignty in an era of globalization: An essay on contested legitimacy”, mimeo, Washington College of Law, American University, Washington D.C. August.

W. Bagehot (1873): Lombard Street, William Clowes and Sons, London.

C. E. Barfield (2001): Free Trade, Sovereignty, Democracy: the future of the World Trade Organization, American Enterprise Institute, .Washington DC.

P. Collier et al (1997): “Redesigning Conditionality”, World Development , vol 25, no.9., pp. 1399-1407.

W. M. Corden (1977/1986):Inflation, Exchange Rates and the World Economy, Clarendon Press, Oxford.

P. J. R. Delargy and C. Goodhart (1999): Financial Crises: Plus ca change, plus c’est la meme chose, Special Paper No. 108, LSE Financial Markets Group, London School of Economics, London.

B. Eichengreen and M. Bordo (2002): “Crises Now and Then: What lessons from the last era of financial globalization?”, NBER Working Paper, No. 8716, NBER, Cambridge Mass.

B. Frei (1997): “The Public Choice of International Organizations” in D. C. Mueller (ed): Public Choice- A handbook, Cambridge University Press, Cambridge.

A. C. Harberger (ed)(1984): World Economic Growth, ICS Press, San Francisco.

P.D. Henderson (2001): Misguided Virtue, Institute of Economic Affairs, London.

P. D. Henderson (2000): “False Perspective: The UNDP View of the World”,World Economics, vol. 1., pp.16-19.

M. King (1999): “The evolving role of banks in International capital flows”, in M. Feldstein (ed): International Capital Flows, University of Chicago Press, Chicago.

A. O. Krueger (1998): “Whither the World Bank and IMF?”, Journal of Economic Literature, vol. XXXVI, ,no.4, pp.1983- 2020.

D. Lal (1983/1997/2002): The Poverty of Development Economics, Institute of Economic Affairs, London, 1st, 2nd, 3rd editions; US editions, Harvard University Press, 1985;2nd edition, MIT Press, Cambridge Mass, 2000.; Indian edition, Oxford University Press, New Delhi, 2000.

D. Lal (1990): The Limits of International Cooperation, Twentieth Wincott Memorial Lecture, Occasional Paper No. 83, Institute of Economic Affairs, London., reprinted in Lal (1994).

D. Lal (1993): The Repressed Economy, Economists of the 20th century, Edward Elgar, Aldershot.

D. Lal (1994): Against Dirigisme, ICS Press, San Francisco.

D. Lal (1996): “Foreign Aid: an idea whose time has gone”, Economic Affairs, Autumn 1996, pp. 9-13.reprinted in Lal (1999).

- D. Lal (1998): Unintended consequences-, MIT Press, Cambridge Mass.
- D. Lal (1999): Unfinished Business , Oxford University Press, New Delhi.
- D. Lal (2000): Smoke Gets in Your Eyes: The economic welfare effects of the World Ban- World Health Organisation global crusade against tobacco, FMF Monograph No.26, Free Market foundation, Sandton, South Africa.
- D. Lal (2003): “ Free Trade and Laissez-faire- has the wheel come full circle?” , The World Economy, vol.26, no.4, pp.471-82.:
- D. Lal, H. Kim, G. Lu, J. Prat (2003): “The Welfare Effects of Tobacco Taxation: Estimates for 5 countries/ regions”, Journal des Economistes et des Etudes Humaines , vol.13, no.1, pp 3-20.
- D. Lal and H. Myint (1996): The Political Economy of Poverty, Equity and Growth, Clarendon Press, Oxford.
- N. R. Lardy (2002): Integrating China into the World Economy, Brookings Institution, Washington D.C.
- N. R. Lardy (2003): “ Trade liberalization and its role in Chinese economic growth”, paper presented at the IMF NCAER conference on “A Tale of Two Giants: India’s and China’s experience with reform and growth”, New Delhi, Nov. 14-16, 2003.
- W. A. Lewis (1978): The Evolution of the International Economic Order , Princeton University Press, Princeton N.J.
- C. Lipson (1985): Standing Guard, University of California Press, Berkeley.
- M. Olson (1965): The Logic of Collective Action, Harvard University Press, Cambridge Mass.
- D. Otto (1996): “Non governmental Organizations in the United Nations: The emerging role of International Civil Society”,Human Rights Quarterly, vol. 18, no.1 pp.107-141.
- E.E. Schattschneider (1975): The Semi Sovereign People , Dryden, IL.
- R. Scruton (2000): WHO, What and Why? , Institute of Economic Affairs, London.
- J. Taylor (2002): “Sovereign Debt Restructuring: A US perspective”, mimeo, US Dept. Of Treasury, Washington D.C.
- R. Vaubel (1994): “The political economy of the IMF: A Public Choice Analysis” in D. Bandow and I. Vasquez (eds): Perpetuating Poverty: The World Bank, the IMF, and the

Developing World, Cato Institute, Washington D.C.

R. H. Wade (2001): “Making the World Development report 2000: Attacking Poverty”, World Development, vol.29, no.8, pp 1435-1441.

M. Wolf (1994): The Resistible Rise of Fortress Europe, Rochester Paper No1, Trade Policy Unit, Center for Policy Studies, London.

Сноски

---

¹ См. Лал (2003) почему даже в современной теории должны увязываться экономика и социальное обеспечение.

2См. Lardy (2002), (2003)

3.Wolf (1994)

4.Corden (1977)

⁵ См. Лал (1990/1994), который представил опровержение небезупречной аргументации, приводимой в защиту международной монетарной кооперации в системе плавающих обменных курсов валют.

5.См. Lal (1996)

6См. Lal (1996)

7.M. King (1999).

8.W. Bagehot (1873)

9.J. Taylor (2002)

10.Eichengreen and Bordo (2002) исследовали два периода глобализации: до 1914 и после 1971 года. В противовес общепринятому мнению они пришли к выводу, что валютные кризисы были более длительными до 1914 года, но во время банковских кризисов и кризисов банков и валют восстановление этих секторов происходило быстрее, чем сейчас. Они объясняют это тем, что банковские кризисы 19 века в меньшей степени обесценивали соответствующую валюту, так как большинство стран в долгосрочной перспективе, оставались верными золотому стандарту.

Delargy and Goodhart (1999) подробно сравнили кризисы до 1914 года и азиатский кризис и обнаружили большое сходство.

11.См. Lal (1990) более полное обсуждение этого вопроса.

12.цит. по Lipson (1985)

13.W.A.Lewis (1978a) p.49

14. О чем свидетельствует подробное исследование, проведенное Collier и др. (1997)

---

15. Harberger (1984)

16. См. Lal (1983) p. 56-7. Кроме того, были представлены годовые отчеты о расходовании бюджетных средств банка, выделенных на исследовательскую работу. Будучи руководителем исследований в 1984-1987 годах, я должен был представить их Правлению, чтобы отчитаться о потраченных на исследовательскую работу средствах.

17. Krueger (1998), p. 2006.

18. Vaubel (1996) утверждает, что IFI раздувает бюрократический аппарат и использует предоставление займов бедным странам в своих бюрократических интересах. While Frei (1997) провел опрос общественного мнения в отношении оценки работы международных организаций.

19. Krueger, op. Cit., fn, 85, p. 2010. См. также выводы Wade (2001) о выпущенном банком “Отчете о мировом развитии” за 2000 год. Он пишет: “На протяжении 1990-ых годов проводились консультации с неправительственными организациями (НПО) в силу их влияния на само существования банка” (p.1436)

20. Lal (1998)

21. В равной степени можно пожалеть о том, что всемирный банк присоединился к политкорректному крестовому походу ВОЗ против курения. Этот крестовый поход принес бедным больше вреда, чем пользы. См. Lal (2000) and Lal, Kim, Lu and Prat (2003).

22. Политолог Шаттшнайдер считает, что многие группы давления состоят из людей благополучных: «Плюралистический рай омрачает тот факт, что в небесных песнопениях отчетливо слышен аристократический акцент. Примерно 90% людей вход в эти группы давления закрыт.»

23. Barfield (2001) p.80.

24. См. неопубликованную рукопись Marguerite A. Peeters “Hijacking Democracy: Global Consensus on Global Governance” (American Enterprise Institute, Washington D.C. 2001) cited in Barfield, op.cit., p. 88.

25. Otto (1996), p.110.

26. Peeters, op.cit., Chp. 1, p.23 cited in Barfield (2001) p.78

27. Barfield, op.cit., p.79

28. В 1997 году он заявлял: «Я вижу, что ООН очень хорошо понимает необходимость партнерства с гражданским обществом для решения мировых проблем» Peeters, op. Cit., p. 34, cited in Barfield, op.,cit. P. 80.

29. Kenneth Anderson (2000) заметил: «Утверждение международных НПО о том, что они являются рупором граждан мира, безосновательно, потому что мир - это не государство, имеющее граждан, он состоит из людей, многие из которых очень нуждаются. Быть «гражданином» - значит быть частицей конституционного государства, а не просто сторонником какой-нибудь НПО и ее планов» (p.108)

30. Martin Wolf, column in Financial Times, 1 Sept. 1999, p.12

31.См. Raustiala “The Participatory Revolution” ,cited in Barfield, op.cit., p.90

32.Хендерсон нашел для них очень подходящий термин.

33.Peeters, op.cit.,chp.1, p.2.

34См. Lal (2000b), Lal, Kim, Lu, Pratt (2003), Scruton (2000)

35.См. Lal- Myint (1996)

36. Lal:” A force to lift the curse of natural resources”, *Financial Times*, October 3, 2003.